

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 37.017.92 (091) (470.5)
ББК Ч33 (2)5

НАЦИОНАЛЬНЫЕ УЧИТЕЛЬСКИЕ ШКОЛЫ И ПРОБЛЕМЫ ХРИСТИАНИЗАЦИИ УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ (конец 1860-х – начало 1900-х гг.)

К. В. Кузьмин

Эпоха великих реформ, ознаменовавшая начало царствования императора Александра II, в значительной степени затронула проблемы народного просвещения, а также, что немало важно, впервые привлекла внимание российского общества к вопросам обучения и воспитания. «Общество признало, – писал впоследствии известный русский педагог и психолог П. Ф. Каптерев, – что педагогическое дело касается его близко, что оно не может по-прежнему оставаться равнодушным и холодным к педагогическим вопросам, предоставляя их всецело ведению правительства» [15, с. 84].

Издатель одного из первых русских педагогических журналов, «Журнала для воспитания», Александр Чумиков с воодушевлением отмечал в 1857 г.: «На нас повеяло благотворным воздухом. Не эфемерная мода, но сознательная потребность возбудила внимание правительства и частных лиц к тому, без чего все преобразования и усовершенствования не могут пустить корня. Воспитание стало нашим главным современным вопросом» [6, с. 107].

Последовавшее 19 февраля 1861 г. освобождение крестьянства от крепостной зависимости и другие реформы 1860-х гг., при всей их половинчатости и незавершенности, привели к очень важному результату – освобождению личности, появлению, по выражению П. Ф. Каптерева, 40 млн вых российских «граждан» [15, с. 85]. А это ставило на повестку дня задачу безотлагательного разрешения проблем нового обучения, в соответствии с русским «национально-образовательным» идеалом. Последний, по мнению К. Д. Ушинского, В. Я. Стоюнина, Н. Х. Весселя, К. К. Сент-Илера и других выдающихся педагогов и чиновников учебного ведомства, олицетворял собою как сокращение иностранных влияний на русскую школу и педагогику, так и выход на первое место в курсе народной школы русского языка, истории, литературы, географии и этнографии России, общую русскую постановку школы в религиозном, бытовом, поэтическом и т. п. отношениях [16, с. 77–78].

В то же время, организация начальных народных училищ наталкивалась на необходимость решения еще одного важного вопроса, а именно – проблемы организации подготовки достаточного числа педагогически грамотных, знакомых с методикой и основами дидактики учителей. Председатель Санкт-Петербургского Педагогического Собрания, основанного в октябре 1859 г., профессор П. Г. Редкин писал: «Прежде всего следует обратить внимание на образование способных и знающих народных учителей, а там уже явятся и народные училища, и народные книги» [17, с. 281]. К. Д. Ушинский, отмечая, что имелись все условия для устройства хороших сельских школ, как-то: и потребность учиться, и материальные возможности, подчеркивал: «Все, кроме одного, нет решительно учителей для народных школ» [18, с. 260].

По этой причине первая половина 1860-х гг. стала периодом активного поиска как со стороны чиновников Министерства народного просвещения, так и со стороны педагогической общественности, наиболее подходящих и соответствующих условиям того времени способов и форм подготовки кадров учителей для начальных училищ. Следует, однако, отметить, что в первую очередь прорабатывались вопросы эффективного и быстрее «приготовления» учительских-кадров для русских народных сельских училищ.

Во второй половине 1860-х годов учебное ведомство обратило свое внимание на проблемы просвещения в «русском духе» населявших Российскую империю так называемых «иностранцев» и подготовки кадров учителей для начальных нерусских училищ. Это было связано с отказом от методов насильственного обрусения, с обращением к возможностям идеологического и культурного влияния на нерусские народности посредством учреждения православных миссионерских школ, учета национальных традиций, обычаев и образа жизни.

Система образования, получившая свое название по имени ее основателя, профессора Казанского университета Н. И. Ильминского, предусматривала организацию обучения в нерусских начальных училищах вначале на языке соответствующей народности, а затем – на русском языке. Для усиления влияния на «иностранческое» население предполагалось назначать либо русских, хорошо знавших язык местной народности, либо самих «иностранцев», владевших русским языком и получивших достаточную по оценке учебного ведомства общеобразовательную, педагогическую и методико-дидактическую подготовку.

В августе-сентябре 1866 г. министр народного просвещения граф Д. А. Толстой при осмотре народных училищ во время инспекционной поездки по Казанскому учебному округу сделал вывод, что «благами просвещения пользуется в Казанском округе едва ли не исключительно дети из средних и высших сословий», в то время, как «народ, как русский, так и иностранческий, почти лишен его» [8, с. 47].

В ноябре 1866 г. министр поручил попечителю округа обсудить вопрос об образовании «иностранцев» а особом комитете, руководствуясь теми началами, которые были положены в сентябре 1863 г. при основании татарской мисси-

онерской школы в Казани проф. Н. И. Ильминским и старокрещеным татаринном Василием Тимофеевым.

В марте 1867 г. вопрос был передан на обсуждение местных училищных советов Казанского и Одесского учебных округов. Кроме того, министерство командировало одного чиновника по особым поручениям для изучения устроенных французскими колониальными властями в Алжире начальных школ для местного мусульманского населения; Ученый комитет Министерства народного просвещения (МНП) собрал также сведения о школах в английской Индии.

В то же время имелась еще одна причина, помимо официально заявленной министром, в силу которой вопрос о просвещении «инородческих племен» приобретал, по тогдашнему расхожему выражению, «сугубую государственную важность». По сведениям губернских статистических комитетов и дирекций народных училищ за 1869 г. так называемые «инородческие народности», проживавшие в трех уральских губерниях, составили: в Пермской губернии – около 7,7% всего населения; в Уфимской губернии – две трети; в Оренбургской губернии – около четверти населения [19, с. 165–166]. В число «инородцев» включались татары, башкиры, киргизы (ныне – казахи), мордва, чувашаи, черемисы (ныне – марийцы), вотяки (ныне – удмурты), пермяки, вогулы (ныне – манси), зыряне (ныне – коми) и калмыки.

В целом же к концу 1860-х гг. из 1290 тыс. «инородцев» лишь около 12,3% (чуть более 159 тыс. чел.) были обращены в православную веру. Так, в Пермской губернии «процент христианизации» превысил 40,3%, включив в себя полностью христианизированных пермяков и зырян, а также вогулов (на 87,6%). Проживавшие же на территории губернии черемисы были обращены в православие лишь на 34,9%. В соседней Уфимской губернии христианизация затронула 9% нерусского населения, в том числе полностью были крещены в православную веру мордва и, отчасти, чувашаи (на 89,6%). Среди черемис Уфимской губернии православное влияние было еще менее заметным, нежели в Пермской губернии: были христианизированы чуть более 8%. Наконец, самый низкий процент христианизации (5,9%) оказывался в Оренбургской губернии, хотя там обращены полностью в православную веру калмыки и, отчасти, мордва (89,0%).

Всего же к 1869 г. по трем губерниям края, по данным губернской статистики, стопроцентно обращенными в православную веру оказались: пермяки (чуть более 61 тыс. чел.), зыряне (411 чел.) и калмыки (2321 чел.); весьма значительный процент христианизации был достигнут среди мордвы (95,3%, или 31380 из 32940 чел.), вогулов (87,6%, или 1667 из 1904 чел.) и чувашей (86,6%, или 30800 из 35600 чел.).

Куда более скромными были успехи русского православного влияния на традиционно мусульманские народы Урала. Например, так называемые «крещено-татары» (т. е. обращенные в православие) составляли лишь 15,1% всего татарского населения края, или чуть более 21 тыс. из 140 тыс. чел. (в т. ч.: в Пермской губернии – 0,13%, в Уфимской – 21,7%, в Оренбургской – 7,4%);

башкиры-христиане составляли 0,09%, или 837 чел. из 912-ти тысячного башкирского населения трех уральских губерний; крещеные киргизы, проживавшие на территории Оренбургской губернии – 0,11%.

Иными словами, вопрос о религиозном воздействии на нерусские народы, в ключе противоборства с магометанством, был в рассматриваемый период не менее важен, чем простое расширение школьной сети.

В июле 1869 г. Ученый комитет МНП приступил к рассмотрению вопроса о путях просвещения народов Урала и Поволжья, а 2 февраля 1870 г. состоялось специальное заседание Совета Министра народного просвещения, посвященное названной проблеме. 26 марта того же года были утверждены правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев».

По предложению Ученого комитета народы Урала и Поволжья были разделены на 2 основные группы:

- 1) малообруселые, или магометане;
- 2) «язычники», «инородцы», в большей степени поддавшиеся русскому влиянию.

Для первой группы было рекомендовано учредить две татарские учительские школы, в том числе одну – в Уфе. Для второй группы – особую учительскую семинарию в Казани, с трехлетним сроком обучения, рассчитанную на 240 учеников, в том числе 120 русских и 120 «инородцев» из мордвы, черемис, чувашей, вотяков и крещено-татар. При семинарии создавалось четыре «образцовых» народных училища – мордовское, черемисское, чувашское и вотякское; для русских и крещено-татар использовались уже имевшиеся в Казани народные училища [8, с. 47–63].

Надо заметить, что структура подготовки учительских кадров в стенах специальных учебных заведений, типа учительских семинарий или школ, была определена К. Д. Ушинским в 1861 г. в статье «Проект учительской семинарии», опубликованной на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» [7]. При наличии ряда вариаций, возникавших в особенности применительно к национальным учительским школам, в качестве требований к их организации К. Д. Ушинский называл:

1. Ненужность обширных познаний учащихся; их знания должны быть по возможности ясны, точны и определены и, в то же время, весьма разнообразны. «Он, учитель, должен иметь познание не только в Законе Божьем, грамматике, арифметике, географии и истории, но и в естественных науках, медицине, сельском хозяйстве; кроме того, уметь хорошо писать, рисовать, чертить, читать ясно и выразительно и, если возможно, даже петь» [7, с. 122].

2. Структура практической подготовки к преподаванию должна включать: ведение «пробных» уроков в школе при семинарии, их последующий критический разбор, учет замечаний при подготовке новых уроков.

3. Семинария, или школа, должна стать закрытым учебным заведением типа интерната, расположенным вне больших городов, но и недалеко от центров образования. «В учительской семинарии, – подчеркивал К. Д. Ушинский, –

молодые люди, избравшие для себя скромную карьеру народного учителя, должны привыкать к жизни простой, даже суровой и бедной, без светских развлечений, к жизни с природой, строгой, аккуратной, честной и, в высшей степени, деятельной» [7, с. 124].

27 марта 1872 г. было утверждено «Положение о татарских учительских школах в Уфе и Симферополе» [9]. Названные школы состояли из четырех классов с обучением до 40 воспитанников – казенных стипендиатов в каждой (т. е. по 10 учеников в каждом из классов). Отличительной особенностью здесь стал отказ учебного ведомства от попыток прямого религиозного воздействия на обучавшихся в школах татар и введение в учебный курс магометанского вероучения, с приглашением муллы, знакомого с русским языком. Однако на этом учет национально-религиозных особенностей татар заканчивался: преподавание в школе, за исключением вероучения, велось исключительно на русском языке.

В общем же, как показывает утвержденный министерством учебный план, основная нагрузка в школах выпадала на занятия русским языком (27 уроков в неделю во всех классах из 108), арифметикой с геометрией (18 уроков) и чистописанием с рисованием (10 уроков). Преподаванию основ мусульманского вероучения отводилась более чем скромное место – 9 уроков в неделю во всех четырех классах [9, с. 9–10].

Кроме татар, в школу в Уфе было разрешено также принимать башкир, мещеряков и тептярей (в то время считавшиеся этнографическими группами татар). В период с 1872 по 1879 гг. из 97 поступавших в уфимскую школу, в том числе: 54 – татары, 32 – башкиры и 11 мещеряки [3, л. 7]. В июне 1876 г. был произведен первый выпуск воспитанников уфимской учительской школы (8 чел.), а 24 сентября того же года на заседании комиссии под председательством попечителя Учебного округа П. А. Лавровского обсуждались итоги выпускных испытаний [2, л. 4–7].

Имея в виду недостаточность познаний учащихся школы в русском языке, комиссия предложила провести в жизнь ряд мероприятий, обеспечивавших большее русское влияние на жизнь школы, а именно:

- руководителям школы разговаривать с учениками по-русски и во внеурочное время, а также ввести в штат школы специальных надзирателей, из русских, для содействия воспитания учеников в «русском духе»;
- расселять учеников 4-го класса на квартирах у русских хозяев;
- изменить правила для поступления в школу, с преимуществом к зачислению более подготовленных в русском языке и арифметике, а при равных знаниях – более ознакомленных с вероучением;
- учредить при школе ежегодные съезды для бывших ее воспитанников, с повторительными занятиями по русскому языку и арифметике.

Таким образом, русский язык занимал в курсе татарской учительской школы господствующее положение, являясь как предметом преподавания, так

и средством обучения. Цели и задачи воспитания «иностранцев» в русском духе наиболее ярко были обрисованы самим П. А. Лавровским: «Сломать укоренившиеся предрассудки и суеверия, насадить вместо них сознательные понятия о нуждах государственных и общественных, вывести из вредной исключительности узконациональных симпатий и религиозной нетерпимости, поставить на путь общечеловеческого образования и из безучастных, нередко враждебных отношений к успехам государственной жизни развить и укрепить сознание в целесообразности и пользе этих успехов, словом, из недоступно замкнутой среды образовать граждан русского царства, сочувствующих всем его истинным интересам» [20, с. 13].

Необходимость правительственного контроля за развитием дела просвещения нерусских народов Урала стала одной из главных причин выделения из Казанского округа с 1 января 1875 г. особого Оренбургского учебного округа, включившего в свой состав три уральские губернии (Пермскую, Оренбургскую и Уфимскую) и две области (Уральскую и Тургайскую). Осенью 1876 г., при осмотре училищ нового округа, министр граф Д. А. Толстой предположил открытие еще трех национальных учительских школ для подготовки кадров в иностранческие училища края: «киргизской» – в Троицке, «иностранческой», «языческой» – в Бирске и «башкирской» – в Стерлитамаке [11, с. 225].

10 ноября 1880 г. было утверждено «Положение о киргизской учительской школе в городе Троицке» [23, с. 110–112], а 3 февраля 1883 г., после долгих поисков более удобного, в плане контроля, месторасположения, школа была, наконец, открыта в Орске (позднее, в июле 1889 г., переведена в Оренбург). В Орской школе предусматривалось преподавались тех же предметов, что и в курсе татарской учительской школы, но киргизская устраивалась в трехклассном составе. Небезынтересно заметить, что одной из главных задач создания школы назывался не отрыв кочевников от ислама, а «ограждение киргиз от отатаривания» [28, с. 3], что, в частности, косвенно подтверждалось тем фактом, что на должности надзирателей в школу могли назначаться лица любых национальностей, кроме татар.

О постановке учебно-воспитательного процесса в киргизской школе свидетельствуют итоги ревизии окружного инспектора К. А. Чеховича в феврале 1891 г. Отметив, что преподавание предметов велось по слишком обширной программе, инспектор указывал, что «для будущих учителей киргиз... существенно необходимо только основательное знание русского языка и арифметики; остальные же предметы нужны как вспомогательные для достижения этой главной цели» [28, с. 21].

Несколько ранее, в июле 1892 г., была открыта «иностранческая» учительская школа в Бирске, с приемом в число ее воспитанников черемис, вотяков, чувашей и мордвы [24, с. 521–524]. Бирская школа также состояла из трех классов и преподавались в ней практически те же предметы, что и в татарской и киргизской учительских школах, за исключением магометанского вероучения. В школу принимались как крещеные, так и некрещеные «язычники»; пре-

подавание велось только на русском языке. В то же время, надо заметить, что посещение уроков Закона Божьего и церковного пения было обязательно только для крещеных «инородцев».

В ноябре 1877 г. были утверждены Правила о проведении краткосрочных педагогических курсов для учителей начальных «инородческих» училищ [22, с. 31–33]. Целью курсов, устраивавшихся в летнее время, являлось поддержание знаний в русском языке и арифметике среди выпускников национальных учительских школ. При татарской учительской школе, переведенной летом 1877 г. в Оренбург, названные курсы устраивались ежегодно в 1878–1884 гг. и в 1887 г. На курсы вызывалось обычно до двадцати учителей, а программа включала в себя сведения по педагогике, дидактике и психологии, методические правила преподавания русского языка и арифметики.

Впоследствии, на курсах 1882 г. было введено чтение произведений русских «образцовых» писателей и перевод их на татарский, «с теми грамматическими и стилистическими объяснениями, которые покажутся нужными для понимания читаемого» [4, л. 7]; на курсах 1884 г. появились диктовки на татарском языке с параллельным переводом на русский, «так как учитель затрудняется не столько в понимании русской речи, сколько в передаче мысли своей по-русски» [5, л. 24].

Кратковременные курсы для учителей марийских училищ устраивались первоначально (в 1879–1883 гг.) – при Уфимской черемисской двухклассной школе, а затем (в 1886–1888, 1891, 1897 и 1899 гг.) – при Бирской «инородческой» учительской школе. В отличие от курсов для татарских учителей, бирские курсы активно использовались для дальнейшей христианизации слушателей. Так, например, на курсах 1882 г. учителя занимались переводом на русский язык Священного писания, изданного на «черемисском наречии» [12, л. 347]; на курсах 1886 г. на черемисский язык переводились молитвы «Отче Наш», «Достойно Есть» и др., а 27–28 августа 1886 г. законоучитель бирской школы читал лекции о «превосходстве» христианства перед магометанством.

Кроме того, на курсах 1888 г. командированные учителя занимались составлением букваря для начальных черемисских училищ, причем место черемисского языка определялось не в качестве предмета изучения, а лишь как средство к усвоению русского языка. Отмечалось, что «при обучении грамоте нет надобности сперва учиться чтению на родном языке, но необходимо, чтобы примеры из родного языка подбирались в таких словах, где звуки совершенно одинаковы или весьма близки с русскими» [13, л. 163].

На протяжении 1870–1880-х гг. наблюдался значительный рост национального самосознания уральских народов, в особенности татар, что вызывало немалую тревогу со стороны правительства. Так, в представлении министра народного просвещения в Государственный Совет от 31 мая 1875 г. отмечалось «почти повсеместное распространение магометанства среди различных финских племен», указывалось, что влияние ислама «замечается и в русских деревнях, соседних с татарскими» [21, с. 378]. В ноябре 1884 г. министерство при

рассмотрении вопроса об учреждении башкирской учительской школы на Урале сделало неутешительный вывод, что «местное магометанское население вообще чуждается не только знакомства с русским вероучением, но и с русским языком» [3, л. 7].

Результатом выводов министерства стало то, что открытие особой башкирской учительской школы было признано нецелесообразным ввиду того, что школа «не увидит в своих стенах ни одного учащегося из мусульман» [3, л. 7]. В июле 1890 г. татарская учительская школа в Оренбурге была закрыта по ходатайству попечителя Округа Михайлова, отмечавшего, что школа не оправдала «возлагавшихся на нее надежд способствовать распространению между татарами-мусульманами образования в русском духе и сблизить их с русской народностью» [28, с. 15].

Следующим шагом учебного ведомства стало преобразование с 1889–1890 учебного года бирской, а с 1892–1893 учебного года – киргизской в смешанные «русско-инородческие» учительские школы, с разрешением принимать русских учеников до половины общего комплекта. В киргизской школе для русских воспитанников было введено преподавание Закона Божьего и церковного пения, а в бирской с сентября 1890 г. – обучение русских учащихся черемисскому языку «для более успешного распространения среди черемис христианского просвещения» [27, с. 28].

Следует, однако, заметить, что влияние названного новшества оказалось весьма противоречивым для жизни обеих школ. Если до 1890 г. в бирской школе относительная доля крещеных была незначительной, колеблясь от 5,2% в 1883 г. до 22,6% в 1886 г., и 24,1% в 1890 г., то с превращением школы в смешанную доля православных среди нерусских воспитанников постепенно растет, составляя от 42,1% в 1895 г. и 47,4% в 1893 г., до 75,0% в 1898 г. и 76,9% в 1900 г. [27, с. 5] Из 65 выпускников школы за 1885–1895 гг. трое впоследствии перешли в духовное звание [10, с. 109–119].

Важным событием стало также строительство домово́й церкви при учительской школе в Бирске во имя святых Гурия, Варсонофия и Германа, Казанских Чудотворцев, просветителей инородческого населения Приволжских окраин [25, с. 374–375]. Строительство шло с июля 1896 г. по апрель 1899 г. и обошлось более чем в 24 тыс. р. Интересно заметить, что лишь около пятой части расходов взяла на себя казна; недостающая же сумма была собрана пожертвованиями. В числе жертвователей, кстати, были отец Иоанн Кронштадтский, бирские городская дума и уездная управа, Стахеевское общество в Елабуге, Московский совет православного миссионерского общества, инспектор школы Н. П. Вишневецкий и др. [26, с. 1–6; 27, с. 18–19]

Совсем иной оказывалась обстановка в киргизской учительской школе. Еще в начале 1889 г. воспитанники школы обвинили тогдашнего инспектора Безсонова в «насаждении православия» на уроках педагогики; по указанию окружного инспектора К. А. Чеховича трое слушников были уволены из школы, а остальные учащиеся второго и третьего классов оставлены на второй год.

Правда, и Безсонов вскоре был переведен из школы на должность инспектора училищ Оренбургско-Орского района.

В ноябре 1898 г. волнения начались из-за желания одного из «киргиз» принять православие и поступить в духовную семинарию. Учащиеся-киргизы прекратили занятия, выражая недовольство русскими воспитанниками и заявляя, что «теперь отцы и родственники их – киргизы – приедут из аулов и увезут их из школы» [28, с. 31]. Уговорить вернуться к занятиям удалось лишь попечителю Учебного округа И. Я. Ростовцеву, а виновники были подвергнуты дисциплинарным взысканиям.

На рубеже веков ощущались новые веяния в постановке вопросов подготовки кадров учителей для начальных нерусских училищ на Урале. Значительную активность в этом отношении проявлял директор народных училищ Оренбургской губернии А. И. Тарнавский, который в марте 1902 г. внес в МНП проект организации учительской семинарии в Оренбурге, смешанной не только в национальном, но и в религиозном отношении. В семинарию должны были приниматься русские, башкиры и чуваша, причем для православных воспитанников вводились уроки Закона Божьего, а для мусульман – магометанского вероучения. Однако министерство отклонило названный проект, не найдя каких-либо «особо уважительных причин» для его успешного разрешения [1, л. 26–27, 47, 55].

В мае 1902 г. по инициативе А. И. Тарнавского в Челябинске были устроены первые смешанные в национально-религиозном отношении краткосрочные педагогические курсы для учителей и русских и «иностранческих» училищ, тут же встретившие отрицательное отношение и со стороны Ученого комитета МНП, который на заседании 23 мая 1903 г. указал, что нет достаточных оснований для устройства таких курсов [14, л. 3–4], и со стороны местного мусульманского духовенства. Так, сам А. И. Тарнавский в отчете о курсах сетовал: «Челябинский ахунд не дозволил ученикам медресе явиться на педагогические курсы для ведения с ними практических занятий» [14, л. 1].

Таким образом в заключение следует заметить, что вопрос подготовки учительских кадров для начальных нерусских училищ рассматривался российским учебным ведомством как важная составляющая часть общей проблемы христианизации уральских народов. Из опыта функционирования национальных учительских школ на Урале можно сделать вывод, что было избрано два пути расширения русского влияния на «иностранческие» народности: во-первых, через определение места русского языка в курсе учительских школ не только как предмета преподавания, но и как средства к изучению других предметов, во-вторых, через прямое православное воздействие на воспитанников путем введения в курс уроков Закона Божьего (на примере Бирской учительской школы) и в дальнейшем через преобразование в смешанные «русско-иностранческие» учительские школы (на примере Бирской и киргизской школ).

Литература

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 65.
2. Там же. Ф. 264. Оп. 1. Д. 22.
3. Там же. Д. 58.
4. Там же. Д. 77.
5. Там же. Д. 118.
6. Журнал для воспитания, 1857, № 10.
7. Журнал Министерства народного просвещения, 1861, № 2.
8. Там же. 1870, № 4.
9. Народная школа, 1872, № 9.
10. Отчет о состоянии Бирской инородческой учительской школы и начального при ней училища за 1895 (гражданский) год. – Казань, 1896.
11. Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу на 1878 год. – Оренбург, 1873.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 171. Д. 2020.
13. Там же. Оп. 172. Д. 1250.
14. Там же. Оп. 227. Д. 194.
15. Русская школа, 1897, № 1.
16. Там же. 1897, № 3.
17. Учитель, 1868, № 6.
18. Ушинский К. Д. Вопросы о народных школах // Собр. соч.: В 2 т. М. – Л., 1948. Т. 2.
19. Циркуляр по Казанскому учебному округу, 1870, № 17.
20. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу, 1875, № 1.
21. Там же. № 11–12.
22. Там же. 1878, № 1–2.
23. Там же. 1881, № 4.
24. Там же. № 12.
25. Там же. 1895, № 8–9.
26. Там же. 1899, Приложение к № 7–8.
27. Там же. 1902, Приложение к № 9–10.
28. Там же. 1903, Приложение к № 4.